

Юлия Скоркина
Наследство

Юлия Скоркина

Наследство

«Автор»

2020

Скоркина Ю. А.

Наследство / Ю. А. Скоркина — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-03297-2

Добро и зло всегда стоят рядом. И как бы не бесновалась тьма, всегда найдётся тот, кто побеждает светом. Страницы сборника расскажут, на что способны и те, и другие. Какова расплата за игры с нечистью, когда желаешь чего-то вопреки всему? Стоит ли развивать свой дар, ведь разговоры с мёртвыми не входили в планы? Безопасно ли наследство, неожиданно сварившееся на голову? Верим мы в потустороннее или нет, главное помнить, что не всегда тьма несёт погибель, а ликом добра порой прикрываются самые страшные злодеи.

ISBN 978-5-532-03297-2

© Скоркина Ю. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Заветное желание	5
Женские Судьбы. Любава	19
Женские судьбы. Мавра	26
Заброшенная деревня	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Юлия Скоркина

Наследство

Заветное желание

– Помоги, – жарко шептала Пелагея, вцепившись в руку знахарки. – Найди способ воротить мне ребёнка!

– Окстись, девка! – отцепила её руки от себя Агафья. – Бога побойся, нешто можно такие речи вести! Умерло дитя, знать, на то воля Божья. Смирись.

– Не хочу! – воскликнула Пелагея. – Не хочу мириться, знаю, есть способ! И ты знаешь. Глаза молодой женщины горели лихорадочным огнём, на лбу выступила испарина. Она словно безумная то плакала, то смеялась, хватаясь за Агафью.

Месяц прошёл с того времени, как Пелагея похоронила своего мальшца. Родился здоровеньким, а поди ж ты, хворь неведомая напала. Уж и травами отпаивали, и на коленях молитвы читали, а мальчонка всё одно помер. Чах на глазах, жизнь по капельке утекала.

Неделю опосля годика протянул, да и помер.

Безутешно Пелагея плакала. Спустя неделю закралась мысль в большую голову: вспомнила, как старухи сказывали, что позади Гиблого леса болото есть. Умеет оно жизнь возвращать.

Только к болоту этому не пройти без специального наказа. Оговор знать надо, чтоб из Гиблого леса выйти.

Название своё этот лес неспроста получил: всякую душу живую впускает он, да вот воротиться не получится. Губит нежить, в том лесу обитающая. Говорили, что лишь знахари да ведьмы через тот лес ходить могут.

Вот и пришла Пелагея к знахарке в надежде, что она дорогу укажет да словами нужными снабдит.

– Хватит, девка! – рывкнула Агафья. – Или ты не знаешь, что я знахарка, а не ведьма?! Чёрными делами не промышляю.

– Да какими же чёрными? – запричитала девушка. – Ребёночка мне воротить, это ли чернота?

– А ты как думала? – отвечала знахарка. – Супротив воли Божией! Кто тебя вообще надоумил на это?

– А никто не надоумил, – гнула своё Пелагея, – сказы прабабкины помню, как болото в Гиблом лесу воскрешать может.

– Да в своём ли ты уме, Пелагеюшка? – заохала Агафья. – В Гиблый лес собралась, жить надоело?

– Потому и пришла к тебе. – отвечала девушка. – Кому, как не знахарке, оговор нужный знать!

– Да пойми ты, дура! – повысила голос старая знахарка. – Такими вещами не шутят! Болото – это тебе не игрушка, кому хочет – жизнь даст, у кого хочет – отнимет, – сказала, и осеклась.

– Значит, правду старухи сказывали! – уцепилась за фразу Пелагея. – Значит, и правда болото есть. Помоги, Агафья, всю душу я себе измотала...

– Не проси, Пелагея, ты не знаешь, во что влезть хочешь. Не возьму я грех на душу. И ты свою душу лучше молитвами очищай, а не о грехе думай. Глядишь, Господь милостив, и ещё

понесёшь, ваше дело молодое! А я травки дам попить, чтоб нервы успокоить да на нужный лад настроиться.

– Не заговаривай мне зубы, Агафья, – проговорила девушка, пристально смотря на знахарку, – не хочешь ты помочь, так я найду того, кто захочет.

– Нет, Пелагея, не помощница я тебе, – произнесла Агафья, давая понять, что больше им разговаривать не о чем.

Развернувшись, девушка выскочила из избы, громко хлопнув дверью. А знахарка так и осталась стоять спиной к выходу. Предчувствие нехорошее на душу легло...

На следующий день Агафья стояла у своей калитки, когда мимо шёл муж Пелагеи, Мирон.

– Мироша, – позвала знахарка парня.

– Доброго времени, бабка Агафья, – поздоровался Мирон, подходя к старухе.

– Скажи-ка мне, милоч, жена твоя как себя чувствует? – спросила она.

– По дитю тоскует, плачет постоянно, – ответил парень.

– Ты вот что, Мироша: присматривай за красавицей своей, как бы не учудила чего. Приходила она ко мне давеча, нехорошие речи вела, прости Господи, – сказала бабка, перекрестясь. – Травки бы ей попить какие, так ведь отказалась.

– Может, мне ей принести, сказать, от вас? – спросил Мирон.

– Нет-нет, – замахала рукой старуха, – не говори ей про наш разговор, не нужно ей ещё больше душу бередить.

На том их беседа и закончилась.

Вечером, лёжа в постели, Пелагея вдруг завела разговор.

– Скажи, Мироша, а ежели сыночек наш вернётся, ты рад будешь?

Мирон аж на локтях поднялся, услышав такое.

– Это как же вернётся? – не понял он. – Даже слушать тебя странно, не то что представить эдакое.

Не такого ответа девушка ждала, а потому, поджав губы, отвернулась к стенке и сделала вид, что заснула. Хотела любимому мысли свои раскрыть, да поняла, что не поймёт он: что с мужика взять. Так и осталась задумка её недосказанной.

И решила Пелагея, что сама должна справиться. А уж когда дитя возвратится, тогда муж по-другому разговаривать будет. С этими мыслями и заснула.

Поутру еле дождалась, когда Мирон из дома работать уйдёт, – знала, что только к вечеру муж возвратится. Лишь за Мироном дверь закрылась, навела наспех порядок в доме и вышла на улицу.

По деревне прошмыгнула пташкой незаметной, чтоб никого на пути не встретить. Дорогу держала в соседнее село: там на отшибе изба стояла, и жила в ней ведьма чёрная. Про ведьму Пелагея прознала от своей соседки, когда та рассказывала, как кума от соперницы решила избавиться, которая на её жениха глаз положила.

В селе ведьму побаивались, но в открытую отношения с ней никто не портил. Тем более что частенько бабы в её дом хаживали, чтоб ненароком зачатое дитя свет не увидело.

Рассказала соседка, что ничем ведьма не гнушалась, за любую работу бралась. Только вот не узнала Пелагея, что ведьма в оплату попросит. Прихватила с собой денег маленько да кое-что из продовольствия.

Кромками леса да полями спустя два часа подошла Пелагея к селу. Пройдя длинной улицей, нашла нужный дом.

Калитка во двор оказалась открытой, и девушка беспрепятственно подошла к избе. На стук в дверь никто не откликнулся. Пелагея уже было расстроилась: столько пути проделала, и всё зря. Старуха-ведьма могла куда угодно уйти и невесть когда вернуться. Закручинилась

девушка, но, прежде чем уйти, решила ещё раз посильнее по двери постучать. Раз, два ударила да вдруг поняла, что та не заперта изнутри. Плечом навалилась, дверь со скрипом отворилась.

– Есть кто дома? – спросила Пелагея, входя в прохладные сени. Никто не отозвался. Потихоньку девушка прошла вперёд.

– Хозяйка! – громко крикнула она и, не получив в очередной раз ответа, вошла из сеней в дом.

Сумрак стоял в помещении, по стенам были развешены пучки трав, мебели почти не было.

Стол, пара стульев да кровать, накрытая чёрной тканью, составляли всё убранство комнаты.

Вторая комната была закрыта.

Пелагея по стене ладошкой постучала и снова громко позвала хозяйку.

– Ну чего долбишь? – раздался со спины скрипучий голос.

От неожиданности девушка вскрикнула и уже поднесла руку ко лбу, чтоб перекреститься, как старуха остановила её.

– Ты в чей дом пришла? – зло бросила она, с прищуром смотря на Пелагею. – В церкви креститься будешь, а здесь нечего!

Девушка медленно опустила руку, со страхом смотря на ведьму. Маленькая, сторбленная старуха, одетая во всё чёрное, с натянутым по самые глаза платком производила неприятное впечатление. Её глаза, словно буравчики, скользили по телу девушки. Тонкие губы что-то беззвучно шептали.

– Горем пахнешь, – вдруг произнесла старуха, – помер, что ль, кто?

– Сыночек мой умер, – заплакала Пелагея, – не пожил вовсе, а как годик исполнился, так и помер.

– А от меня чего надо? – ледяным тоном спросила ведьма.

– Сказывают, что есть способ воротить умершего, – тихо произнесла девушка, опустив глаза в пол.

– Сказывают, – передразнила её старуха, – сказывают много чего! Только готова ли ты всё это услышать?

– Готова, – пылко зашептала Пелагея, – на всё готова, лишь бы сыночка возвратить.

Ведьма внимательно посмотрела на девушку и подошла совсем близко. Протянув свой крючковатый палец, она зацепила им за ворот платья и оттянула его вниз, обнажая часть груди с лежащим на ней крестиком.

– В оплату крест свой отдашь, – ехидно проговорила она.

– Да как же это? – произнесла Пелагея, накрывая крест ладонью. – Быть может, ещё чем отплатить можно?

– Какова работа, такова и оплата, – ответила ведьма, – сама решай. Только знай, что чужими руками жар загрести не получится.

Старуха не моргая смотрела на Пелагею.

Сердце девушки трепыхалось в груди, ей вдруг стало невыносимо душно.

– Решайся, – повторила старуха.

И, сжав руку на кресте, Пелагея с силой дёрнула вниз. Старуха тут же засемила в закрытую комнату и уже через секунду вернулась, держа в руке шкатулку. Открыв крышку, она протянула её Пелагее. Взгляд девушки упал на содержимое. Внутри лежали десятки нательных крестиков: деревянные, металлические, золотые...

– Бросай сюда, – произнесла ведьма, поднося шкатулку ещё ближе. Трясущейся рукой Пелагея положила свой крест в шкатулку, и ведьма с громким хлопком закрыла её.

– Проходи в комнату, – позвала старуха совсем другим голосом и отворила закрытую дверь.

Пелагея ступила через порог и оказалась почти в полной темноте. Через секунду вспыхнули две свечи и осветили помещение.

Эта комната отличалась от обстановки дома. Стены были задрапированы чёрной тканью, в противоположном конце стоял стол, а на нём, словно на алтаре, лежали три черепа. Макушку каждого черепа венчала красная оплавленная свеча.

– Встань в угол, – скомандовала ведьма и зажгла свечи на черепах. Комната ярко осветилась жёлтым светом. Сейчас Пелагея могла рассмотреть её в деталях. Весь пол был исписан знаками. Над дверью висел перевернутый крест. На прибитых по стенам полках лежали разного размера ножи, стояли металлические чаши, небольшие тряпичные куклы, пара черепов мелких животных и один большой череп, принадлежавший крупному скоту.

Пелагея уставилась на ведьму.

Старуха подошла к одной из полок, взяла нож, маленькую куколку и небольшой деревянный ящичек.

Встав перед алтарём, она бормотала себе под нос заклинание и делала взмахи руками над куклой.

В какой-то момент она подняла куклу над головой, и Пелагея могла поклясться, что та зашевелилась. В ужасе девушка зажала себе рот руками. Ведьма же взяла деревянный ящик, уложила тряпичную куклу вовнутрь и закрыла его. Через секунду в руке старухи мелькнул нож. Поднеся его ко второй руке, она сделала надрез на ладони. Приложив окровавленную руку к крышке ящика, ведьма произнесла:

"С того света плоть ворочу,
Отнесу подмену в мир теней.
В откуп отречение даю,
Кого ждёт, пусть явится пред ней".

Заколыхалось пламя свечей, по стенам запрыгали жуткие тени. От страха Пелагея зажмурилась.

Когда открыла глаза, то вскрикнула от неожиданности: старуха стояла прямо перед ней.

– Вот возьми, – протянула ведьма ящичек. – К болоту придёшь, домовину брось подальше, дождись, чтоб утопла, и возвращайся домой. А потом ничему не удивляйся да смотри – попервой никому не сказывай, что дитя воротилось!

– А как же я к болоту пройду? – спросила Пелагея. – Оговор же нужен.

– Будет тебе оговор, – буркнула старуха.

Обратно домой Пелагея летела, словно на крыльях. Страх, который она испытывала в доме ведьмы, улетучился напрочь.

На его смену пришла надежда, что малыш вернётся. В глубине души девушка опасалась обмануться, признать, что все разговоры о болоте – это лишь сказка. От этой мысли сердце начинало ныть.

Откладывать было нельзя, и уже на следующий день она намеревалась отправиться в Гиблый лес.

Подходя к родному дому, Пелагея перво-наперво спрятала домовинку. Лишние расспросы от мужа сейчас были не нужны, а потому всеми силами Пелагея старалась вести себя как обычно, хотя внутри всё клокотало от возбуждения.

Воротившийся после работы муж ничего не заметил, остаток дня прошёл спокойно. Пришло время ложиться спать.

Сон не шёл к Пелагее. Раз за разом она повторяла про себя слова оговора, чтобы не забыть их.

Девушка с трепетом и страхом ждала завтрашнего дня.

Сказками про Гиблый лес ребятню пугали сызмальства.

"Не ходи к Гиблому лесу, – вешали мудрые родители, – утащит нежить, по топям плутающая".

Только под утро забылась Пелагея тревожным сном, в котором видела старую ведьму, смотрящую на неё злобным взглядом и противно ухмыляющуюся беззубым перекошенным ртом.

Поутру, накормив мужа и собрав ему небольшой узелок еды с собой, девушка вышла проводить Мирона в дорогу.

У самой двери хотела молитву на благословение в пути произнести, да так и не смогла.

Обрывки фраз в голове с такой скоростью неслись, что ни одного слова зацепить не удалось.

Списав всё на волнение перед предстоящим делом, Пелагея воротилась в дом. Собравшись с мыслями и забрав из укромного места домовину, девушка завернула её в тряпицу и, выйдя из двора, направилась напрямиком к лесу.

Утреннее солнце пробивалось сквозь плотные кроны, полосая воздух прозрачными желтоватыми лучами. Птичьи трели оглашали лес. Пелагея шла вперёд, зная, что через время всё изменится. И действительно, чем дальше заходила девушка, тем мрачнее становилось вокруг, и как только яркие летние звуки леса оказались позади, Пелагея остановилась.

Закрыв глаза, она громко произнесла:

"Тёмный лес не выдаст, гиблые тропы не запутают, обойду все кочки, к болоту с поклоном приду, трясинам глубоким свою беду расскажу. Обрато легко выйду, разрешение топь дала, да рассказывать об этом запретила".

И, развернувшись, Пелагея сделала шаг назад, переступая невидимую черту спиной вперёд.

Вновь обернувшись, девушка встала, поражённая увиденным. Словно в другой мир попала она: вместо яркой зелени листвы сейчас её взору предстала безжизненная топь.

Покорёженные деревья обрубками сучьев торчали во все стороны, мягкий мох сменился чёрным перегноем. Узкая тропинка петляла сквозь кочки, уходя вглубь леса.

Пелагея осторожно двинулась вперёд. Чем ближе она подходила к болоту, тем смраднее становился воздух. Тяжёлый запах ила липкой моросью витал в воздухе.

Тело девушки покрылось мурашками.

Идя вперёд, краем глаза она замечала, что во мраке леса движутся тени. Иногда топь подходила к тропе почти вплотную, и тогда под весом ноги из-под земли вырывались пузыри, словно шепча: "Наша, наша..."

От страха захватывало дух, и вновь Пелагея хотела прочитать молитву "О заграждении от всякого зла", но так и не смогла вспомнить ни единого слова.

Вокруг становилось всё холоднее, скрипы, издаваемые деревьями, пугали до дрожи. В довершение ко всему из домовинки, которую до побелевших костяшек сжимала Пелагея, начало доноситься лёгкое шуршание.

Хотелось бросить всё и бежать назад, но мысль о воскрешении ребёнка настойчиво вела вперёд.

Вскоре взору девушки открылась круглая поляна, полностью затопленная чёрной жижей.

Пелагея остановилась. В голове стучали сотни маленьких молоточков; вздохнув поглубже, она с силой размахнулась и бросила домовину в центр топи.

Плоский деревянный ящичек плюхнулся в болото. Как и было оговорено, девушка стояла и ждала, когда он утонет.

Топь медленно поглощала предложенный откуп. Из леса к болоту потянулись клочья тумана, зловещий шёпот заполнял поляну, и вдруг у противоположного конца топи Пелагея заметила шевеление. Силуэты, похожие на людей, двигались к зыбкому берегу.

Их движения были короткими и резкими, запах тлена заполнил поляну. Когда первый из них вышел из-за деревьев и Пелагея смогла его разглядеть, её глаза расширились от ужаса. Это несомненно был человек, вернее то, что от него осталось. Почти оголившийся скелет с обрывками сгнившей плоти шёл к девушке.

Холодея от ужаса, молодая женщина бросила взгляд на домовину. На поверхности виднелся лишь маленький уголочек, и, как только он скрылся в чёрной жиже, Пелагея, подхватив подола платья, бросилась прочь. Она не боялась упасть, ей хотелось лишь одного: поскорее вырваться из страшного леса и избавиться от его мёртвых обитателей.

Как Пелагея сбежала из Гиблого леса, она не знала; чувства вернулись к ней, лишь когда она, трясущаяся от мелкого озноба, сидела на лавке у печи в собственной избе. Платье было перепачкано, на руках засохла грязь. Казалось, она вся до костей пропиталась запахом ила и смрада.

Налив в таз горячей воды, Пелагея с неистовством смывала с себя болотную черноту. К вечеру вернулся Мирон. Застав жену в слегка приподнятом настроении, он обрадовался.

– Палашенька, – сказал он, – как приятно видеть тебя не заплаканную.

На это Пелагея ничего не ответила, а лишь улыбнулась в ответ.

С того времени, как девушка ходила в Гиблый лес к болоту, прошло три дня. И вновь сердце тоска начала заволакивать.

"Обманула старая ведьма, – думала девушка. – И болото обычное, а то, что страхования были, так это с испугу: чего не привидится, когда ожидаешь, что сказки детские могут ожить".

Снова улыбка с лица сошла, чаще слёзы наворачиваются, мысли о малыше умершем душу терзают.

В один из дней Мирон объявил жене, что на охоту с мужиками собирается. Пелагея равнодушно кивнула.

Поутру, проводив мужа за околицу, накормив скотину, девушка легла на кровать и вновь мыслями вернулась к тому дню. Не заметила она, как сон сморил её. В тревожном забытии мелькали костлявые руки да могилы. Проснулась девка мокрая как мышь. Сердце колотится, дух перевести не может.

Весь день без настроения проходила, а к вечеру и вовсе легла на кровать, к стене отвернулась и рёвом заревела: так жалко себя стало, несчастную.

Время к полуночи клонится, а сна ни в одном глазу. Ходит Пелагея по дому, без дела из угла в угол шатается. На душе скверно, предчувствие нехорошее камнем давит. Подошла к окну – ночь темна, лишь на небе луна полная холодным светом землю освещает.

Глядь – чудится или нет? По огороду с заднего двора что-то маленькое да белое ползёт.

Пелагея глаза вытаращила: не поймёт. Для кошки больно крупный, а собака не так ходит.

Взяла девушка свечу, дверь отворила и на задний двор пошла.

Чем ближе подходит, тем больше сердце заходится. Смотрит, глазам не верит: ползёт по земле её малыш, Ванятка. Рубашонка белая, в которой в гроб клали, вся землёй перепачкана.

Свеча в руках затряслась да и выпала. Упала Пелагея на колени да поползла навстречу, подвывает, как собака побитая. Как приблизилась, схватила младенца на руки, к груди прижала, ревёт, из стороны в сторону качается, счастьем своему не верит.

А малец-то ледяной, мордашка чумазая, ручки в земле. Спихватилась Пелагея да в дом понеслась.

На кровать малыша посадила, плачет, слёзы счастья по щекам размазывает. Одежду грязную с ребёнка сняла, понеслась воду греть, а сама с рук его не спускает, боится, что видением всё окажется.

Вот уж и ванночка тёплая готова, отмывает с ручек маленьких землицу, умывает Ванятку бережно. Наглядеться на чадо своё не может. И не замечает, что малец не гулит, не агукает.

Смотрит на Пелагею молча, не противится, не плачет, не капризничает.

Эту ночь девушка не спала, с Ванятки глаз не сводила. После ванночки тёплой ребёнок заснул, а она всё ухо ближе подставляла, слушала, дышит ли чадушко, счастье её нечаянное.

Утром, чуть петухи заголосили, вскочила девка кашу варить, дом в порядок приводить да мужа с охоты дожидаться.

На улицу отлучалась ненадолго, мальчика с собой не брала. Помнила наказ ведьмин: нельзя трубить на всю деревню, что Ванятка её ожил да домой воротился.

Весь день пролетел, как минута, к вечеру Пелагея с ног валится. Уселась на стул, не поймёт никак – вроде и дела все житейские обнокновенные, а поди ж ты, силушки совсем нет. Дитя бы накормить, а подняться не может. Ванятка на полу сидит, на мать смотрит.

И впервые к девке в душу сомнение закралось. Малыш молчит всё время, кушать не просит, покуда сама за стол не усадишь для кормления.

Ванятка словно мысли материнские прочёл, на четвереньки встал и пополз к ней. За подол длинный ручонкой ухватился, на колени просится.

Все думы из головы улетучились, улыбнулась, прижала к себе мальчика и затихла.

Очнулась Пелагея – темнота в доме. На дворе ночь глубокая, Ванятки на руках нет.

Перепугалась до одури: как так получилось, что заснула, сама не поймёт. Вдруг слышит – из хлева звуки доносятся, скотина беснуется. Зажгла Пелагея свечу и побежала в хлев.

Ворвалась и дар речи потеряла: лежит козлёнок на соломе, а на нём, ручонками в горло вцепившись, сидит Ванятка. Корова мычит, на крик исходится, позади неё телёнок в угол вжался. Коза по загону мечется.

Пелагея подлетела, насилу руки ребёнка от шеи скотинки отцепила. Глядь, а у козлёнка на шее рана кровавая. Перепугалась девушка, а Ванятке хоть бы что, смотрит на мать молча, будто и не случилось ничего.

Отнесла Пелагея ребёнка в дом, на дверь крючок с обратной стороны накинула, а сама в хлев обратно побежала.

Успокоила скотину, коровушку погладила, телёнка по бочку бархатному потрепала. Подошла к козлёнку, тот вокруг мамки-козы бегаёт, мекает жалобно. Сбегала Пелагея в дом, тряпку водой тёплой смочила, отёрла козлёнку шёрстку. Оказалось, что и рана не большая.

Разглядывает девушка ранку, понять не может, как так получиться могло, как вообще Ванятка смог в хлев попасть.

Так и не найдя ответа, вернулась Пелагея в дом.

Ребёнок сидел там же, где она его и оставила: как кукла, не двигаясь и молча смотря на вошедшую мать, словно неживой.

У девушки от этой мысли по спине мурашки забегали.

Подошла она к малышу, на руки подняла да только сейчас заметила, что у того вокруг ротика кровь засохла.

Тёмное предчувствие зашевелилось внутри, а малец возьми и улыбнись. Вмиг сердце материнское растаяло. К умывальнику поднесла, умыла Ванятку и пошла с ним в комнату остаток ночи досыпать.

Утром проснулась от шагов по комнате – Мирон домой воротился. Вскочила Пелагея с кровати, глянула на спящего малыша и побежала любимого встречать.

– Воротился, Мирошенька? – начала девушка. – Удачно ли?

– Ох, удачно, – пробасил муж, – не зря ночи не спали.

– А у меня для тебя подарочек, – произнесла Пелагея.

– Да мне уже подарок, что ты с улыбкой меня встречаешь, Палашенька, – заулыбался в ответ Мирон.

– Этот подарочек подороже будет, – продолжила Пелагея. – Пойди в спальню, глянь, что там.

Мирон с интересом посмотрел на жену и прошёл в комнату, Пелагея пошла за ним.

Подошёл Мирон к постели да так и застыл с открытым ртом. Глаза выпучил, ртом словно рыба воздух глотает, слово вымолвить не может.

– Говорила я тебе, что дорогой подарочек мой, – произнесла девушка и прижалась к мужу.

Мирон как от огня от неё отстранился, смотрит, взгляд как у безумца.

– Ты что это думала? – зашептал он. – Как такое возможно, чтоб дитя мёртвое воротилось?

– Окстись, Мирон! – возмутилась Пелагея. – Как язык поворачивается говорить такое! Не мёртвый он, что ни на есть живой! Подойди да ручонки мягкие потрогай, головушку шёлковую погладь.

Стоит Мирон, как вести себя, не знает. Сам Ванятку своего хоронил, видел, как гробик закрывали, а он вот лежит, глазками смотрит внимательно.

– Как же так, Пелагеюшка? Не должно так быть, – говорит, а сам руку к малышу протягивает.

Кожица мягонькая, чуть холодная на ощупь; присел Мирон рядом, взгляд отвести не может.

– Ты обожди, Мирошенька, – запела Пелагея, – просто свыкнуться надо, что Ванятка наш снова с нами.

– Не могу поверить, – проговорил Мирон, беря младенца на руки.

– А ты поверь, поверь, родименький, только не говори пока никому, дай мне самой счастьяцу нарадоваться.

Положил мужчина ребёнка, пообещал жене, что не скажет никому. А у самого словно ум за разум зашёл, за дела да за добычу привезённую взялся, а сам как в тумане ходит.

Как в дом войдёт, так всё на мальчика косится. Сидит тот на полу в комнате и вроде ручками-ножками шевелит, а лицо и взгляд непроницаемые, нет совсем в них искорки детской.

Неуютно себя Мирон чувствовал рядом с ним. Попытался он было с женой поговорить, что, мол, лекаря бы позвать или батюшку с храма, это ж какое дело свершилось. Ведомо ли такое, чтоб с того света возвращались.

Пелагея, как речи такие услышала, аж посинела вся со зла. На крик изошла, что не любви они с Ваняткой Мирону стали. А потом рёвом ревела, да так жалобно, что мужик и притих.

Через пару дней стал Мирон замечать, что как дома побудет, без сил совсем делается.

С поля придёт – и то не такой уставший, а как в дом войдёт, так подняться сил нет. На жену поглядывает, а молчит. Да и Пелагея сама будто подурнела: синяки под глазами, бледная.

Не выдержал Мирон как-то да и задал вопрос:

– А не чудно ль тебе, Пелагеюшка, что Ванятка наш, как немтырь? Ты вспомни его прежнего.

Даже в болезни лежал, а всё ручки тянул да агукал. А сейчас что же? Только смотрит и молчит – ни звука, ни улыбки, чисто кукла тряпичная.

Молчит жена, все разговоры о странностях ребёночка словно не слышит. Как представит, что вновь потерять мальчика может, – сердце заходится.

Ночами тёмными сидит над Ваняткой да шепчет ему на ушко:

"Всё стерплю, никогда больше не разлучусь с тобой, никому тебя не отдам".

И на мужа теперь Пелагея через раз смотрит, обязанности свои как во сне выполняет. Спать теперь не с мужем ложится, а в другой комнате с ребёнком. И не сидят теперь они с любимой вечерами тёплыми на лавочке, тесно прижавшись друг к другу. Каждую свободную минуту Пелагея теперь с младенцем проводит.

А Мирон и не настаивает, за любую работу берётся, только бы из дома на подольше сбежать: не в состоянии видеть, как младенец за ним смотрит пристально, одними глазами водит да не шевелится.

В один из вечеров воротился Мирон с поля, поужинал, с женой о делах предстоящих поговорил да и спать ушёл. Проснулся ночью, а не поймёт отчего. Душно в доме, темнота; и вдруг звук странный ему слышится. Хотел было подняться с кровати, а не может. Лежит, словно расслабленный, тела не чувствует, одна голова да глаза шевелятся.

И опять этот звук странный повторился, будто по полу что ползёт. Склонил голову, глаза скопил набок, да так и обомлел. Ползёт на четвереньках к нему Ванятка, глаза в темноте поблёскивают, как бусины стеклянные. Страшно стало Миرونу, а младенец всё ближе подползает. Закричать захотелось, жену позвать, а и этого не может. Как ребёнок совсем рядом с кроватью оказался, взялся рукой за край одеяла, второй ручонкой за ногу уцепился и пополз вверх, а рука-то как лёд студит.

Влез Ванятка на кровать, на грудь Миرونу уселся и смотрит внимательно, рассматривает. И вдруг ребёнок наклоняться стал, своё лицо к лицу отца ближе и ближе подвигает. Да будто порыкивать стал, как собака злобная. Губку верхнюю вверх приподнимает, а во рту ряды зубов маленьких, острых, словно иголки.

Заколотилось сердце у Мирона, душа в пятки ушла, всю силу в жест собрал, поднял руку, три пальца щепотью сложил да и осенил себя крестным знаменем. "Господи, помоги!" – крикнул, весь страх свой в мольбу эту вложил. Зашипел младенец, как котёнок дикий, и враз исчезло всё.

Лежит Мирон один впотьмах на кровати, никого рядом нет, тишина в доме. Сердце бешено колотится. Мало-помалу в ноги, руки сила вернулась. Сел мужик на кровати, пот по спине ручьём льёт, не поймёт: то ли явь была, то ли сон страшный приснился. Встал, стараясь не шуметь, и вышел из комнаты. Подошёл к кровати, где Пелагея с сыном спала. Лежит жена, сон крепкий, грудь мерно вздымается. Вытянул шею Мирон – посмотреть на ребёнка, а тот лежит с глазами открытыми, сам на отца смотрит. Поплохело Миرونу; держась за стены, на улицу вышел, присел на крыльцо. Холодный воздух ночной в чувство привёл. Посидел мужчина ещё чуть-чуть да и вернулся к себе в комнату, но до утра глаз так и не сомкнул.

Много передумал Мирон за остаток ночи. И решил, что жене ничего не скажет, а утром к бабке Агафье сходит да поделится тайной.

Едва забрезжил рассвет, Мирон вышел из комнаты.

Пелагею он застал сидящей на кровати, бледную, с синяками под глазами.

– Пелагеюшка, хорошо ли себя чувствуешь? – спросил он жену.

– Ночь спала плохо, будто и не отдохнула совсем, – ответила девушка.

В поле в этот день Мирон не пошёл, по дому жене помогал. Скотину накормил, воды натаскал. Пелагея по дому еле ноги волочила, тенью ходила, шаталась.

– Палаша, – начал Мирон, глядя на жену, – нехорошо тебе совсем, я вижу. Давай я бабку Агафью позову. Посмотрит, травки какие даст.

– Что ты! – вскрикнула Пелагея. – Она Ванятку увидит, нельзя его показывать никому!

– А когда же можно будет, Пелагея? – спросил Мирон. – Ведь он расти будет, чай не иголка, в кармане не пронесёшь. Всё одно рано или поздно люди увидят.

– Не рви мне душу, Мирон, – ответила Пелагея, – пусть всё своим чередом идёт.

– Хорошо, – продолжил муж, – про ребёнка никому говорить не буду, но к Агафье за травами тебе всё одно схожу. Боюсь за тебя.

С таким условием Пелагея дала мужу добро сходить к знахарке.

Ближе к обеду Мирон стоял в избе Агафьи. Был у него свой умысел: понял, что дело тут нечисто, что не их ребёнок назад воротился.

Перед Агафьей и вывалил всё. Все свои мысли, страхи, да и про ночь прошедшую рассказал.

– Батюшки святы, – всплеснула руками знахарка, – знать, исполнила Пелагея задумку свою. Сходила-таки в Гиблый лес на болото.

– Так то разве не сказки стариковские? – спросил опешивший Мирон.

– Сказки, милый мой, тоже не на пустом месте слагаются, – ответила знахарка со вздохом. – Что ж делать-то теперь?

– Ума не приложу, – произнёс мужчина. – Палаша как тень ходит.

– Знамо дело, – пояснила Агафья, – нежить из ей силы тянет, а то и похуже чего.

– А чего похуже? – спросил Мирон.

– А похуже, Мироша, это когда упырь до кровушки добраться захочет. А Палашка твоя и не заметит этого, без чувств ночью спать будет.

Глаза Мирона расширились от услышанного.

– Это как же так, бабка Агафья? Что ж делать теперь?

– Эх, дура девка, не послушалась, – запричитала знахарка. – Думать надо теперь, как от упыря избавиться. А пока на вот, – знахарка ушла в другую комнату и через минуту вернулась, держа в руке мешочек. – Заваривай ей да почаще пить давай. Чем больше она сейчас спать будет, тем для неё же и лучше.

Придя домой, Мирон застал жену сидящей у стола. Ребёнок сидел рядом, на полу.

– Пелагея, – начал мужчина, – Агафья травок тебе дала, чтоб силы восстановить. Сказала пить почаще.

– Сдержал ли слово? – спросила Пелагея мужа.

– Будь спокойна, – ответил Мирон.

Пелагея вышла в кухню, заварила в кружке травы. По кухне тут же разошёлся пряный аромат.

Ещё не успела девушка и всю кружку испить, как тело налилось приятной тяжестью, потянуло в сон.

Заметив, что жена осоловела, Мирон сказал:

– Ты приляг, Пелагеюшка, отдохни часок-другой, а я за ребёночком догляжу.

Встала девушка и пошла на постель.

Сел Мирон на её место и стал малыша разглядывать.

Внимательно смотрит: вроде малыш как малыш, от обычного ребёнка не отличить. Да вот глаза страшные: взгляд совсем не детский, по коже от него мороз продирает.

Проспала Пелагея почти до вечера. Травки Агафьины словно силушку вернули, проснулась отдохнувшая.

Всё это время Мирон рядом сидел. Любил он свою Пелагеюшку, и сейчас на душе такая тоска была, хоть вой. Понимал, что вдвойне жене тяжелее станет, когда глаза откроются да поймёт, что не её ребяёнок с того света воротился.

Так жалко её, бедолажную, стало, что подошёл он к жене, руками сзади обнял, прижался к любимой.

Кровь горячая, тело молодое. Ласкает жену, в шейку целует да вдруг обратил внимание, что шнурочка на шее нет.

– А где ж крест твой, Пелагея? – спросил он.

Вспыхнула девка, что сказать, не знает.

– Третьего дня как потеряла, – соврала она и к мужу поближе прижалась, к губам прильнула, лишь бы тему больше не продолжать.

Наутро по дороге в поле Мирон повстречал Агафью, рассказал, что травка её помогла, да посетовал, что крест жена потеряла.

– Давно ли крест потеряла? – заострила внимание знахарка.

– Сказала, что три дня как, теперь надобно новый приобрести, – ответил Мирон, прощаясь с Агафьей.

Ещё долго стояла знахарка, смотря вслед мужчине, гоняя в голове мысли о крестике потерянном. А потом, развернувшись, пошла к храму.

Вечером того же дня шёл Мирон домой. Медленно брёл, не тянуло его туда. Меньше всего хотелось вновь ощутить на себе взгляд того, кто пришёл к ним в семью в облики ребёнка.

– Мирон! – вдруг окликнул его кто-то. Остановившись, мужчина обернулся и увидел, что к нему спешит знахарка с большой корзиной в руках.

– Ох, чуть не пропустила тебя, – произнесла она, нагнав Мирона. – Дело, милоч, серьёзное, через пару дней луна в полную силу войдёт, а значит, и нечисть будет сильнее. До полнолуния нам нужно успеть оторвать нежить от Пелагеи да обратно в болото его снести.

– Как в болото? – дрогнуло сердце Мирона. – Дитя же.

– Да какое дитя, Мирон! – воскликнула Агафья. – Нечисть в твоём доме поселилась. Пелагея беду на себя накликала. Кабы ума хватило меня послушать – дак ведь не услышала, крест свой в уплату отдала!

– Как отдала? – спросил ошарашенный Мирон.

– А так и отдала! Или ты думаешь, за такие дела чёрные можно яблоками расплатиться?! Виданное ли дело, супротив воли Божьей переть. Ох, Мирошка, наворотила она дел. Теперь весь свой страх да мысли далеко спрячь. Исправлять её грех надо да в церкви каяться.

И, развернувшись, Агафья пошла в сторону дома Мирона и Пелагеи. Мирон пошёл следом.

У калитки, при одном только взгляде на дом, сердце мужчины тревожно заныло. Ни одно окошко не освещалось, внутри изба была полностью погружена во мрак.

Поставив корзину на землю, знахарка достала из неё белую простыню и протянула её Мирону.

На ощупь она оказалась слегка влажная. Мужчина вопросительно взглянул на Агафью.

– Водой Крещенской смочена, – пояснила она. – На ребёнка накинуть нужно, да так, чтоб с головой и нос наружу не казал. Замотаешь и мне его отдашь, а дальше уж моя забота.

Мирон взял простынь, стараясь не шуметь, вошёл внутрь и замер. В комнате, на полу, лежала Пелагея, а рядом с ней, прильнув головой к шее, склонилась маленькая тень.

Вечерний сумрак окутал пространство дома. Через окна почти не проходил свет. В тишине раздавалось тихое хлюпанье.

От этого Мирона затрясло. Страх вперемешку со злобой обрушились на сознание. Мужчина развернул простынь и в два прыжка оказался рядом с лежащей женой.

Белая материя опустилась на тень ребёнка. Взвизгнув, словно маленький поросёнок, существо под простыней начало яростно крутиться и извиваться. Мирону едва хватало сил, чтобы удержать его. Навалившись всем телом, он смог затянуть простыню узлами и, схватив извивающийся кулёк, выбежал на крыльцо, где его ждала знахарка.

Агафья сдёрнула платок с корзины, дно которой оказалось устлано сухими травами. Как только Мирон опустил нежить внутрь корзины, существо замерло, затихло, перестав подавать признаки жизни и сопротивляться.

– Возвращайся, Мирон, к жене, – произнесла Агафья, вновь укрывая корзину платком, на котором был вышит крест, – а я позже к вам ворочусь, довершим начатое.

Мирон вернулся в дом, а Агафья побрела в сторону Гиблого леса.

Подняв жену на руки, мужчина уложил её на кровать и затеплил свечку. Лицо Пелагеи было мертвенно-бледным, на шее оставила след тонкая струйка крови. Девушка едва заметно дышала.

Брела старая знахарка в темноте леса, про себя читала молитовки, дорогу тонкой свечой церковной себе освещала. Видела тени подступающие, чувствовала прикосновения ледяных рук – тех, кто, не имея плоти, навеки в этих местах гиблых своё пристанище нашёл. Слышала голоса, в темноту зовущие.

Чем ближе Агафья к болоту подходила, тем громче молитвы произносила, крестным знаменем себя осеняла. И шёл мрак по пятам, а в нём те, кто обычному человеку погибель сулят, но ничего они ей сделать не могли. За всю жизнь Агафья ни пятна на душе своей не поставила. Хвори людские травами да заботой лечила. Постом да молитвами Бога на помощь призывала. Оттого и не могла нечисть к ней лапы цепкие протягивать.

У самой топи остановилась знахарка, корзину на землю опустила, нежить спелёнутую в руки взяла и произнесла:

"Из воды чёрной
Из земли сырой
На свет Божий вышел,
Зло принёс.
Воротись туда, где ветер не веет,
Где солнце не греет.
В темноте тебе волю держать,
Жизнь не занимать.
В тьму воротись,
Со света пропади,
От мира отойди".

С каждым произнесённым словом чувствовала знахарка, как свёрток в руках легче становится. В нужный момент развернула простынь, а в ней кукла тряпичная лежит, сеном набитая. Не раздумывая швырнула Агафья куклу в середину топи и, запихнув простынь обратно в корзину, не оглядываясь прочь из леса пошла.

Вернувшись в деревню, Агафья в свой дом для начала сходила, а потом уж направилась к Миرونу и Пелагее.

В доме супружеской пары стояла тишина. Знахарка бесшумно вошла внутрь. Пелагея лежала на кровати, грудь девушки еле заметно вздымалась. Мирон сидел рядом и держал руку жены в своей руке. Увидев Агафью, он вскочил к ней навстречу.

– Тётка Агафья, – начал он, – она холодная вся, иногда и не дышит вовсе, словно Богу душу отдала.

– Богу ли? – ответила Агафья, шумно вздохнув. – Не в этом мире она сейчас, потому и холодная. Ты вот что, Мироша: воду святую неси, что в доме есть, лампадку затепли да иди погуляй куда-нибудь.

Мирон сделал просимое и, тихонько затворив за собой дверь, вышел из дома.

Агафья просидела ещё с пару минут, не двигаясь. Что было в голове у знахарки, о чём она думала – одному Богу известно. Шумно вздохнув, старуха поднялась со стула и, подойдя к углу с образами, опустила перед ними на колени.

Молитвы читала, из глубины души исходившие, слёзы ручьём лились от осознания слабости людской да хитрости дьявольской, которая с лёгкостью в свои сети заманивает, и нет уж сил выбраться назад...

Кланялась, плакала, просила душу из лап нечисти вырвать, да попутно вставала и воду святую в рот Пелагее вливала. С каждым глотком девка всё ровнее дышала, кровь к лицу приливать начала, руки чуть теплее стали.

До самого полудня Агафья перед образами стояла, поднялась только, когда дверь в дом открылась и внутрь вошёл священник.

Старый батюшка молча подошёл к Пелагее. Положа руку ей на лоб, он по-отечески погладил девушку по голове. Взгляд священника был лучист и светел, губы слегка тронула улыбка.

Обернувшись в Агафье, он спросил:

– Всю ночь молилась?

Знахарка утвердительно кивнула и осенила себя крестным знамением.

– Отмолила, – вновь улынулся батюшка и опять погладил Пелагею по голове. – Крест надевала?

Спохватившись, Агафья вытащила из кармана деревянный нательный крестик на ниточке и, подойдя к кровати, протянула его священнику.

Взяв крест, святой отец надел его на девушку. Сев рядом, он взял её за руку и, подняв лицо к потолку, закрыл глаза. Его губы еле заметно шевелились; стоящая рядом Агафья затихла.

Спустя пару минут полной тишины ресницы Пелагеи затрепыхались, и девушка с трудом разлепила веки.

– Узнаёшь меня? – наклонившись к ней, спросил священник.

– Да, батюшка, – еле слышно ответила она.

– Как же ты так? Разве ж можно крестом Христовым разбрасываться?

Пелагея молчала, из глаз потекли слёзы.

– Ну, не расстраивайся, – увещевал батюшка, – всё хорошо будет. Ты приподнимись, а мы тебя сейчас причастим.

Пелагея села в постели, батюшка, облачившись подобающим образом и подойдя к девушке с чашей, громко прочитал молитву.

Причастившись, Пелагея вновь легла.

– Страшно поди было, в забытьи-то? – спросил священник.

– Страшно, – ответила девушка. – Лапы чёрные, когтистые в топь тянули, воздуха не давали.

– Вот этот чёрный да когтистый к тебе и пришёл в облике ребёнка. Теперь-то поняла это? – вновь задал вопрос батюшка.

Пелагея кивнула и, закрыв лицо руками, горько заплакала.

– Ты поплачь, поплачь, – произнёс священник, погладив Пелагею по голове, – искренние слёзы, они всегда душу омывают. Да на службу следующую тебя с мужем жду.

Поднявшись, батюшка направился к двери. Агафья подошла к Пелагее:

– На столе трава лежит, пей да о плохом не думай, – сказала она. – Бог милостив, всё уравниет. Мужу спасибо скажи, что вовремя спохватился. Наведаюсь к вам на днях о здоровье справиться.

Выйдя на крыльцо, Агафья застала Мирона, беседующего со священником.

Бледный, с тёмными кругами под глазами от бессонной ночи, он часто кивал, выслушивая старческие наставления.

– Спасибо, тётка Агафья, – произнёс Мирон, когда знахарка подошла к ним.

– Богу спасибо скажете, когда в храм придёте, – ответила она ему. – А сейчас к жене иди, да в тишине побудьте, души свои послушайте. Поймите, как быстро сети свои лукавый расставляет и как легко в них попасть, с пути правильного сбиться. Чтoб больше никогда не возникало желание к черноте обращаться.

На этих словах они и разошлись. Мирон пошёл к жене, старый батюшка в храм, а Агафья к себе домой...

Пелагея своё слово сдержала, на каждую службу бегала. И коли тоска и уныние по ребёночку умершему на сердце ложились, неслась девка в храм, своими словами, как могла, у Бога милости просила. А спустя пару месяцев поняла, что понесла. То-то радости было!

Знахарка частенько к молодым захаживала. Пелагея её теперь как мать почитала, за советом да помощью – только к ней.

Ко времени разродилась, дочку Агафьей нарекли. Мирон в ней души не чаял, и крестил её старый деревенский священник.

А окрестивши, сказал матери – вот оно, главное доказательство милости Божией к тебе!

Женские Судьбы. Любава

– Ох, Любава, Богом тебя заклинаю, забери моего Андрейку к себе, – причитала Дарья. – Чует моё сердце, нехорошее случиться может. Лучше разлука, чем смерть моего мальчика.

Любава повернула голову и посмотрела на тщедушного Андрейку, сидящего на скамейке у печки и по-детски болтающего тонкими ножками.

Когда-то сёстры жили вместе, но года подошли, и старшая Дарья вышла замуж за Никодима и переехала к мужу в дальнюю деревню. А младшая Любава осталась с больной матерью, которая вскорости померла. Отец их от чахотки помер задолго до замужества дочери. Мать хорошо сестёр воспитала. Добрые, трудолюбивые, на всякую беду отзывчивые. Правда, хоть Дарья и была старшей, а всё ж Любава главенство в семье держала. Старшая сестра мягкая, как глина, – лепи из неё, что хочешь. На это Никодим и купился. Хорошая семья у них была.

Муж на жену не нарадовался.

А вот Любаве, в отличие от сестры, палец в рот не клади: мигом всю руку оттяпает.

Высокомерна, строга – правда, что уж говорить, красы неписаной девка. Лучшие ребята с окрестных деревень к ней свататься приезжали, только всем от ворот поворот давала.

Пока маменька жива была, всё охала:

– Ох, доченька моя, унаследовала ты прабабкин характер, так, смотри, судьбу её не унаследуй. Так вековухой и останешься, кому в старости нужна станешь?

Любава на эти причитания с улыбкой смотрела. Не вступала в пререкания с матерью, старость уважала, да и мысли свои на этот счёт имела.

Прабабка Любавина не простая была. И хоть век без мужа да дитё в подоле принесла, а всё ж счастливую жизнь прожила. Лекарствовала помаленьку. Травками да молитвами от хворей и страстей лечила. За чёрные делишки не бралась, людям не навязывалась. Побаивались её в деревне: характер был не сахар.

Вот Любава норов прабабкин и унаследовала. Да не только норов! Тоже знахарничала помаленьку. В травах хорошо разбиралась. За заговоры бралась. А уж кого на помощь призывала, то кто ж знает. Люди разное говорят, да она не перечит. Что хотят, то пусть и думают. Гордо девка по деревне ходила, цену себе знала. В беде никому не отказывала, детишек всегда лечить бралась. Сколь её боялись, столь и уважали.

– Не пойму тебя, Дарья, – сказала Любава, посматривая на Андрейку, – чего тебе не так, глянь: парень здоров, а ты прям в мертвяки его записала.

– Ой, боюсь, сестрица, али не слыхала, что нынче в нашей Семёновке делается? – спросила Дарья.

– Не слыхала, – ответила Любава.

– Дак детишки как мухи мрут. Болеют подолгу, а потом Господь и прибирает.

– А Господь ли? – подняв бровь, произнесла Любава.

– И не знаю, милая. Только уж как несколько лет на деревню словно хворь какая напала.

Уж и двора не найдёшь, в котором ребятёнок бы не помер, – перекрестившись, сказала Дарья.

– Так от чего ж мрут-то, почему ко мне не обращались?

– А кто ж знает? Бегают дитя, здорово, а ко времени сохнет ребёнок да лежит всё больше. Силушка по капельке вытекает, а потом и вовсе издыхает. А к тебе не шли – так далече же, да и своя знахарка в деревне имеется, – простодушно ответила Даша.

– А давно ль имеется? – вскинув брови, спросила сестра.

– Так я к Никодиму переехала уже, и была она там.

– А что ж ты мне раньше про неё не сказывала? – не унималась Любава.

– А что говорить-то? Бабка как бабка, лечит помаленьку, злого не творит. И скотинку хворую к жизни возвернуть может. Только вот с детишками беда не даёт совладать. Не помо-

гают ни травки, ни шепотки. Да и не спрашивала ты про неё, а сейчас вот к разговору пришло. Ну так что? Заберёшь Андрейку погостить?

– А что ж не забрать, – улыбнулась Любава, глядя на племянника. – Такое чудушко пусть погостит, – сказала она, взъерошивая соломенную шевелюру. Чмокнув сына в макушку и перекрестив, ушла Дарья восвояси.

– Ну, – обратилась Любава к ребёнку, – пошли в сад, покажу, как в поленнице горихвостка гнёздышко свила.

Андрейка растянул кривозубый рот в широкой улыбке и протянул тётке руку.

– Принимайте гостей, – громко сказала Даша, входя в дом к сестре.

– Мамка пришла! – с радостью взвизгнул Андрейка, бросаясь к ней обниматься.

С момента, когда Дарья оставила сына у родной сестры, прошло полгода. Поздняя осень хмурила небо, окрашивая его в тёмно-серые тона. Она по несколько раз в месяц приходила навещать мальчика, и каждый раз встречи были со слезами и объятьями.

– Ой, любименький мой, – причитала женщина, обнимая и целуя ребёнка. – А уж соскучилась как, миленький мой! Папка весь извёлся, когда спрашивает, сына домой ворочу.

В комнату вошла Любава, вытирая руки о передник. Тоже расцеловались с сестрой.

– Ну как вы тут, хорошие мои? – спросила Даша, не спуская любящих глаз с сына.

– Хорошо, мамка. Тётя Любава котёнка мне подарила, хошь покажу? – восторженно воскликнул Андрей и, не дожидаясь ответа, улетел на улицу.

– Да хорошо всё, сестрица, – спокойно ответила Любава, – с чем пожаловала?

– Да уж время пришло, столько времени Андрейка у тебя, скоро уж тебя мамкой вместо меня называть будет, – улыбнулась Дарья. – И Никодим наседает, мол, вертай сына домой.

– Забрать, значит, хочешь? – спросила Любава. – А на деревне как дела обстоят?

– Да не сглазить бы, слава Богу, хорошо всё. За то время, как Андрей у тебя был, ни одной смерти не случилось.

Дверь распахнулась, и в комнату влетел Андрейка, держа на руках котёнка.

– Мама, я его Васькой назвал. Он теперь мой друг, – в глазах ребёнка горели искры счастья.

– Ну что ж, мышей в хлеву много, найдёт, чем заняться, – ответила мать, – с собой заберём. Собирайся, милый, домой пойдём.

Пока Андрейка запихивал вещички в мешок, Любава и Дарья разговаривали о насущном.

Старшая сестра всё охала и спрашивала, когда же младшая семью собралась создавать.

– Полно тебе, Дашка, – возмутилась Любава, – ты как матушка! Время придёт, и муж сыщется, а пока незачем мне! У меня племянник золотой, мне и с ним потетешкаться достаточно. Слышь, Андрей, ты не забывай меня – как в гости захочется, так говори мамке, я всегда тебе рада и жду тебя.

За эти полгода, что племянник провёл у Любавы, было видно, что с неохотой она отпускает его: привыкла к мальчонке. К смеху залиvistому да дурашливости детской.

– Ты вот что, Дарья, – вдруг сказала сестра, – котя береги да не обижай. Мой подарок Андрейке, пусть с ним и находится.

– Да разве ж я когда скотинку обижала? – надулась Дарья. – Я завсегда твари Божьей миску молока налью.

– Ну, полно обижаться, – проговорила сестра, – я просто так сказала. В сенях корзинка стоит, вот в неё Ваську и посадим. До деревни путь не близкий, пора вам. Дотемна добраться постарайтесь.

Расцеловались сёстры, Любава племянника обняла и, перекрестив на дорожку, отпустила с Богом.

И пошла жизнь своим чередом, настала пора зиме осени на пятки наступать. Зимние дни ох коротеньки, зато вечера да ночи глубоки да темны.

Густые сугробы дороги замели. Снега в этот раз было – еле калитку поутру открыть можно, заметало до половины. Медленно жизнь деревенская зимой течёт. Да Любаве завсегда работа найдётся. Кто младенчика принесёт захворавшего, кто для родителя своего за травкой: болят руки натруженные. Так и дни потихоньку шли. Ко времени солнце всё чаще выглядывать начало, владения зимушкины подтапливать. Ручьи зажурчали, птицы защебетали. И глядишь, вот уж и весна – ворота распахивай да тепло впускай!

В один из дней работает Любава в огороде, землю под гряды готовит, вдруг слышит: "Мяв". Обернулась – стоит Васька.

– Ты как здесь? – вскинула руки девушка. – Неужто с Андрейкой что стряслось?

Мявкнув ещё раз, кот подошёл к ней и начал тереться о ноги лобастой головой. Не стала Любава раздумывать, в дом пошла, собрала вещи нужные. К соседке старенькой сходила, попросила за курями доглядеть, коли не воротится завтра.

– Знать, у сестрицы решу погостить остаться, – объяснила она старушке, – ты уж пригляди, баб Глаш.

Заручившись согласием, отправилась девушка в путь.

Идёт вдоль леса – птицы голосят, весной пахнет, благодать! Да на душе мутрно, шаг сам собой ускоряется. Ещё солнце клониться к земле не начало, а уж крыши домов показались.

Как ошпаренная девка бежала, дорогу вмиг одолела. К сестре в избу влетела, отдышаться не может.

– Любавушка! – вскрикнула Дарья, увидев сестру. – Горе-то какое, – заголосила она и бросилась к сестре в объятия. Схватила её за руку и в комнату дольную потянула. Зашла Любава и ахнула.

Лежит на постели Андрейка, что мёртвый. Губки синие, кожица будто прозрачная. Дышит тяжело.

Через Дарьины всхлипы смогла она разобрать, что сразу после Рождества мальчик начал себя плохо чувствовать. Вроде и бегал, прыгал, а всё силёнок не хватало. А с неделю назад так вообще слёг.

– Почему ко мне не прибежала? – сердито прикрикнула на сестру Любава, положила руку на лоб племянника.

– Да не знаю я-аа, – голосила Дарья, – словно дороги кто закрывал. Только за порог, так случается что-нибудь. Мы поначалу думали, что подзастыл он. Давеча с горки вернулся, в сугробах с ребятнёй навалаялся. А опосля и я слегла, с неделю валялась. Малиной да отварами отпаивались. Вроде и полегче сделалось. А когда он совсем занемог, тогда и пыталась к тебе добраться. Так ведь сама видела, зима какая нонче была. Метели да вьюги, на улицу не выйдешь, не то что через лес до тебя добраться. Я и побежала к Пелагее. Травы она мне давала, домой приходила, над Андрейкой шептала. Да всё хуже и хуже только-ть. Думала, как снег чуть спадёт, за тобой побегу, да ведь завтра и собиралась. А ты сама пришла. Беда ведь ещё какая – Васька наш пропал, как в воду канул. Андрейка как в себя приходит, так кота просит позвать, а его нет. Помогите, сестрица милая! Помрёт Андрейка, так и я жить не буду, наложу руки на себя!

Воет Дарья, руками голову обхватила, качается из стороны в сторону.

– За кота не печалься, это он меня к вам сюда позвал. Да, смотрю, вовремя – поумней тебя, бестолковой, оказался, – рыкнула Любава. Даша глаза распахнула, аж слезинки просохли.

– Как кот привёл? – спрашивает.

– А так и привёл, – ответила сестра и задумалась. – Так, говоришь, как дороги ко мне кто закрывал?

– Закрывал, Любавушка: я только собираться зачну, так Андрейке хуже. Испариной покрывается, трясёт всего. Я и бегу к нему.

– А скажи-ка, сестрица, брал чего у чужих Андрейка? Может, кушал что? – спросила младшая сестра.

– Дык как же не кушал, ведь колядовать по избам бегали с ребятами. Рождество же, – ответила Даша.

– По всем избам бегал? – не унималась Любава.

– По всем. А особливо пироги бабки Пелагеи нахваливал.

Смотрит Любава на племянника, лицо хмурое, сощурила глаза и говорит:

– А сбегай-ка ты, сестрица, за этой Пелагеей-знахаркой, скажи, пусть над Андрейкой ещё разок что-нибудь пошепчет. Да не сказывай, что я объявилась. Посмотреть хочу, чем помочь может.

Дарья перечить сестре не стала, оделась и выбежала из дома. А Любава тем временем узелок свой развязала да две иглы большие из него вытащила. И в кухне схоронилась, чтоб её не заметил никто. Тем временем Дарья с Пелагеей в избу вернулись.

– Ну что ты, Дарьюшка, ох и хочется мне тебе помочь, да сама видишь, не выходит у меня. Видать, за что-то Господь научает меня, раз деткам помочь не могу, – елейно пела знахарка.

Разделась и скрылась в комнате. Вышла Любава с кухни да две иглы свои аккуратно над головой крест-накрест в дверной косяк и воткнула. И опять в кухне спряталась.

Прошло время, стала Пелагея домой собираться. Оделась, к двери подошла и встала как вкопанная. И хочет выйти, а никак. Спихватилась, сделала вид, будто ещё что над ребёнком пошептать хочет, ушла в комнату. Через минуту обратно воротилась и опять у двери встала.

Головой крутит, испариной лоб покрылся. Повернётся к двери и обратно к Дарье оборачивается.

– Да что с тобой, бабка Пелагея? – спрашивает женщина.

– Плохо мне что-то, Дарьюшка, – отвечает знахарка.

– Так давай я тебя до дому провожу.

– Ты мне лучше водички принеси, нехорошо мне.

Ушла Даша в кухню, а там ей Любава шепчет, чтоб она старуху от двери в комнату увела. Подошла Дарья к знахарке и говорит:

– Ты пройди в комнату, бабка Пелагея, посиди чуть, глядишь, и полегчает.

Ушли они с сеней, вынырнула Любава из кухни, иглы вынула и опять схоронилась. Попила старуха водички, посидела ещё с минуту и опять к двери пошла. Почуяла, что выйти может, да как рванула из дома. Дарья за ней – забытый бабкой платок вернуть.

Вернулась Даша, вошла в комнату к сыну, а там Любава сидит на постели рядом с Андрейкой.

Рядом её узелок лежит.

– Старая паучиха, – бубнит себе под нос сестра младшая, – ишь удумала, малых деток изводить. Я тебе покажу, ведьма!

И сплетает Любава три свечи между собой, ставит в изголовье кровати Андрейкиной.

– Что ж это делается, Любава? Не пойму, к чему клонишь? – услышав слова сестры, спрашивает Дарья.

– А к тому и клоню, что знахарка ваша в смертях детских виновата! Детки малые, жизнь через край в них плещется. А у ведьмы года к закату подходят! Вот она за их счёт и продляет себе жизнь.

Стоит Дарья, рот ладошкой прикрыла, от слов сестрицыных волосы на голове шевелятся.

– Ты вот что, Даша: сейчас из комнаты выйди. Мужа встречай, дела свои делай. А ближе к вечеру зайди да помоги мне до постели добраться.

И увидев немой вопрос в глазах сестры, добавила:

– Силу свою Андрейке отдам, вырву из лап паучихи проклятой! А уж как восполнится силушка, тогда и думать буду.

От слов этих покатались слёзы из глаз Дарьиных. Молча сестра вышла из комнаты и дверь затворила.

Зажгла Любава свечи, молитву прошептала да и накрыла Андрейку собой, как птица крылами чад своих укрывает да от опасности прячет. Сколько времени прошло, Любава не знала, – очнулась от лёгкого прикосновения.

Открыла глаза – стоит рядом Даша. Помогла сестре подняться, довела до постели. Уложила её и укрыла одеялом пуховым. Тишина в доме, сумрак ночной. Лампадка в углу перед образами теплится, мягким светом комнату освещает. И задремала Любава, крепким сном забылась, зная, что племянника спасти успела. Проснулась – свет в окошки льётся, по дому запах хлеба тёплого.

Пение тихое доносится. Вышла из комнаты – Дарья по дому хлопочет.

– Как себя Андрейка чувствует? – спрашивает.

Бросилась к сестре в объятья Даша. Обнимает её, целует.

– Спасибо, Любавушка, сыночка моего к жизни вернула! Проснулся утром, поесть попросил.

Заглянула Любава к Андрею. Мальчик спал, по его слегка порозовевшим щекам было видно, что жизнь потихоньку к нему возвращалась.

– Вот что, Дарья, – сказала Любава, – поживу у тебя пару дней. Да подумаю, что сделать можно, чтобы знахарку вашу на чистую воду вывести.

– Ох, нехорошо мне, бабушка, – вещала Любава, сидя в избе Пелагеи. – Точит меня злоба чёрная. Сил нет видеть, как эта гадюка на моего милого вешается, – на ходу выдумывала девка.

Пришла она в дом знахарки, якобы за помощью. Единственное, что ей нужно было, так это узнать, как она жизнь с детишек высасывает.

– Ой не знаю, милая, – ответила Пелагея, – я ж ведь за чёрные дела-то не берусь. Грех это, – говорила бабка с самым невинным видом. – Я же людям помогаю.

– А вот и мне помоги, – настаивала Любава. – Нешто это по-честному?! Я с ним столько лет живу, терплю его, окаянного, а она появилась и увести хочет. Никому не скажу, что помочь мне взялась. Отплачу по-царски. Ненавижу её, гадину, ничего для тебя не пожалею.

– Ну, хорошо, – согласилась Пелагея, – вижу я, одинаковы мы с тобой по духу. Незачем на самотёк пускать, если несправедливость такая. Да смотри, не сказывай никому! А в оплату мне самую малость потребую. Напеку хлебца да тебе отдам, а ты в своей деревне деткам раздашь.

– А зачем? – спросила Любава.

– Да ни к чему тебе знать это, – ответила старуха. – Ты о своей разлучнице лучше подумай. Как мы её изводить будем? – Чуть помолчала Пелагея, а потом и говорит: – А давай-ка мы ей мертвяка подселим.

– А как это? – притворялась несведущей девушка.

– А дам тебе хлебов поминальных. У меня к каждому кусочку по мертвяку наговорено. Уговор у меня с ними. Я им души живые, чтоб силушку их поедать, а они мне услужение да года продлевают за это.

Согласилась Любава. Взяла хлеб и пошла восвояси, оставляя ведьму в уверенности, что пойдёт угощать разлучницу, которой на самом деле и не было. Пришла в дом Дарьи, вывалила перед ней хлеба на стол и говорит:

– Вот смотри, чем ваша знахарка детушек потчует!

– Хлеб, – произнесла Дарья, – нешто запрещено это? Хлебом деток угощать.

– Простым хлебом не запрещено, – пояснила Любава, – только-ть эти хлеба поминальные да на мертвяков заговорённые.

Вскрикнула Дарья, рот ладошкой прикрыла.

– Да как же это? – спрашивает.

– А так! Уговор у неё с нечистью. Она им тех, чью жизнь выжрать можно, а они ей года долгие.

– Почему ж она, окаянная, ребяток им жертвовала? – прошептала старшая сестра.

– Так душа же непорочная, и любовь к жизни сильнее, – пояснила младшая. От речей таких волосы на голове Даши всё выше поднимались.

– От хлебов нам избавиться нужно, – продолжила Любава, – да так, чтоб мертвяки, которых ведьма прикормила, её же и сожрали. Но это потом уж, а пока... – хитро сощурился глаза, закончила она.

Собрав все хлеба, девушка раскрошила их на мелкие кусочки, отнесла курам и стала ждать. К утру следующего дня Дарья, ходившая за водой и встретившая местных кумушек у колодца, принесла весть.

– Ох, Любава, Антонина говорит, что поутру Пелагею видела. И что-то страшное с ней случилось. Почернела вся и будто на много лет постарела. Хотела Тоня к ней подойти поговорить, а та как рывкнет на неё, чтоб не лезла со своей жалостью.

– Значит, в точку я попала, – засмеялась Любава. – Знать, пришли черти за добавкой, а пожрать некого. Вот они хозяйюшкой и попотчевались.

Услышав это, Дарья креститься начала.

– Право, сестрица, – начала Даша, – у меня от твоих слов сердце заходится. Всё ж живая она.

– Ох, Дарья, – закатила глаза Любава, – вот ведь ты как маменька наша, ни дать ни взять! Любого чёрта жалеть будешь, ежели ему больно станет.

Дарья смущённо потупила взор.

– Ну да ладно, поиграли, теперь и дело до конца довести нужно. Ты не заходи пока, сестрица, в комнату, – сказала Любава и скрылась за дверью.

Занавесила окна, зажгла две свечи, вытащила из своего мешка старый, ржавый замок и села за стол. Тихонько губы шевелились:

"Ежели скажешь – сгинешь.

Ежели сделаешь – в прах.

На замок я закрою силы,

Что были в твоих руках".

Еле слышно было, как читала девка заговор, который должен был лишить Пелагею силы.

Ближе к вечеру взяла Любава замок и направилась к дому ведьмы.

– Бабка Пелагея, дома ли ты? – крикнула она. Ответом ей была тишина. Открыв дверь, вошла девушка в дом. Скрипнули половицы под ногами.

– Кого там чёрт приволок? – донеслось из комнаты.

– Почему же чёрт, бабушка? – спросила Любава, появляясь перед старухой.

– Аа, ты? – устало произнесла ведьма. – Ну чего тебе? Нехорошо мне. Нет сил возиться с тобой, приболела я.

– Конечно, приболела, – надменно произнесла девушка. – Чертей кормить дело нелёгкое.

Вытаращила глаза Пелагея, ртом воздух хватает.

– Так это ты, гадина! – зло прошипела ведьма. – Из-за тебя меня черти всю ночь мотали, чуть душу не вытрясли!

– Душу? – залиvisto рассмеялась Любава. – Дык разве ж она у тебя есть?! Душа-то! Паучиха проклятая, скольких деток сгубила! Жизни вечной захотелось? Так и будешь вечно, только в аду!

И, развернувшись, направилась к выходу. Поднялась ведьма с постели, бросилась вслед. Выскочила за ней на крыльцо и кричит:

– Прокляну подлюку! Всех чертей на тебя повешу!

– Ой ли?! – надменно произнесла Любава. – Или думаешь, только тебе чары колдовские подвластны? А глянь-ка на дверь, что это там на ручке болтается?

Обернулась старуха к двери, а там на скобе замок закрытый висит.

Взревела Пелагея, в волосы свои руками вцепилась – поняла, что на закрытие сил Любава заговор сотворила.

– Думала, всю жизнь дела свои чёрные творить будешь, паучиха проклятая?! – злобно произнесла Любава, сощутив глаза. – Так знай же, что коли словом или делом за старое возьмёшься, раньше времени прахом станешь! Ох и рады же тебе твои черти будут!

И, развернувшись, ушла прочь от старухино дома. Слышала, как та выла в злобе бесильной, но и бровью не повела.

С того дня прошло два месяца. Андрейка быстро поправился.

Пелагея спустя месяц померла. С чертями как обет нарушила да кормить их перестала, так они за неё и взялись. Мучительно помирала, кричала долго и страшно. Любава с той поры единственной знахаркой на несколько деревень стала. Справно свою ношу несла. И хоть могла с силами тёмными сговориться, да не брала греха на душу. Лечила люд деревенский да скот. Пакостей не творила. Подходящего мужа себе сыскать не могла. Да и не сильно-то расстраивалась. Такой норв не каждый выдержит.

– Ох, Любавушка, – вздыхала сестра старшая, – уже б уняла ты свой гонор да покладистой стала. Глядишь, и муж бы сыскался. Да детки появились.

– Покладистой да без гонора с чертями не справиться, Дарьюшка, – смеялась в ответ та. – А что деток нет, так не расстраиваюсь – знать, судьба такая, – сказала она, чмокнув в макушку любимого племянника. Андрейка как выздоровел, на дальнюю деревню к тётке, почитай, по несколько раз в месяц бегал, а то и вовсе гостить оставался. С лихвой тётку детской любовью одаривая...

Женские судьбы. Мавра

Мерзкий морозящий дождик впитывался в землю, словно в губку, превращая её в жидкое месиво.

Обдуваемые ветрами, стояли перед толпой мужчина, женщина и трёхлетняя малышка.

– Да что ж это делается, люди добрые! – раздался из толпы женский голос.

Трое мужчин в немецком обмундировании резко обернулись на звук. Толпа затихла.

Из-за немцев вперёд вышел человек с белой повязкой на рукаве.

– Говорил я тебе, Тимофей, не доведёт до добра твоя деятельность! – обратился он к главе семейства.

– Как был ты, Никодим, всю жизнь гнидой, так и...

Договорить мужчина не успел: автоматная очередь прервала его. Женщина, стоявшая рядом с мужем, дико закричала и бросилась к нему. Один из стоящих немцев подошёл ближе и выстрелил ей в голову. Малышка заплакала и кинулась к матери.

– Тимофей Рыков наказан за то, что оказывал помощь партизанам, – громко произнёс Никодим. – И вам всем нужно уяснить, что так будет с каждым, кто посмеет ослушаться. А сейчас расходимся! – гаркнул он.

Из толпы вышла пожилая женщина и направилась к заходящейся криком девочке.

И снова раздалась автоматная очередь. Женщина повалилась навзничь.

– Враг великого рейха, – на ломаном русском произнёс один из немцев. – Дефчонка умирайт сам, забирать ниht, она есть враг.

– Быстро все по домам! – снова заорал Никодим.

Гудящая толпа, тяжело ступая по размыленной грязи, разбрелась по деревне. Три мёртвых тела остались лежать под сгущающейся моросью как предостережение для тех, кто ещё осмелится оказать помощь партизанам.

Сжавшись в комочек на земле рядом с мёртвой матерью, поскуливала от страха маленькая Варвара.

На деревню опускалась ночь.

В домах зажигался свет, раздавался пьяный хохот немцев. Девочка дёргалась от каждого шороха, словно испуганная мышка.

Совсем рядом раздались шаги. Варя подняла головку и со страхом взгляделась в темноту.

Высокая фигура в чёрном стремительно шла мимо лежащих на земле трупов и вдруг остановилась, разглядев трясущуюся от холода девочку.

"Твари бессердечные, – раздался громкий шёпот, – нехристи проклятые".

Из черноты облачения высунулась рука и тронула ребёнка за плечико.

– Вставай, дитя, – произнесла она и взяла Варю за руку.

В этот момент настезь распахнулась дверь дома, и яркий свет из проёма осветил место казни.

На крыльцо вышел пьяный Никодим. Он молча уставился на фигуру в чёрном, рядом с которой стояла перепачканная кровью родителей Варя.

– Кто посмел ослушаться? – рявкнул он, фокусируя пьяный взгляд.

Женщина сдёрнула с головы капюшон.

– Мавра! – не то удивившись, не то возмущившись, прикрикнул он.

– Закрой рот, Никодим, – произнесла женщина, – не бери большего греха на душу.

– Оставь девку, – произнёс мужчина, – она – дочь врага.

– Чьего врага, Никодим? Побойся Бога!

Полицай громко рассмеялся.

– Кто мне говорит про Бога?! – хохотал он. – Чёрная ведьма, что от добрых людей по болотам прячется.

Глаза Мавры сверкнули гневом.

– От того и прячусь, – прошипела она, – что люди добрые. Дай мне уйти с ребёнком.

– А иди, – вдруг произнёс полицай.

Женщина подняла Варю на руки.

– Только уступку тебе даю – пять минут. Успеешь убежать?

Ничего ему женщина не ответила, молча развернулась и стремительно пошла прочь.

Подойдя к кромке леса, услышала Мавра, как со стороны деревни раздались крики и собачий лай.

Женщина резко остановилась и, опустив малышку на землю, достала из кармана небольшой пучок сухой травы. Чиркнув спичкой, подожгла его.

"Приходи, морока,

Да с любого бока,

Кольцами вейся, в очах ряби,

В ушах гуди, на любую тропку

Не давай пути".

Прошептала ведьма заклинание, потрясла пучком чадящим и, подхватив малышку, скрылась в темноте леса.

Убегая, слышала и голос Никодима, и обрывки немецких слов – только не боялась уже, что нагонят. Мавра своё дело крепко знала.

– Кто забрать дефчонка? Почему не кричать? – орал молодой фриц на Никодима.

– Не сердчайте, господин офицер, – лебезил тот, – забрала девчонку местная знахарка. Она рядом живёт, на болотах. Как рассветёт, вмиг найдём и возвратим.

– Расстрелять дефчонкасо старуха, – горячился офицер, сдобренный крепкой выпивкой, уходя обратно в дом.

– Тьфу, ведьма проклятая, – в сердцах воскликнул полицай. – Под монастырь подвести захотела! И как я дал ей уйти? Ну, завтра устрою тебе!

Побубнив ещё какое-то время, Никодим со злобой метнул взгляд на место казни и тоже пошёл в дом.

– Ну что ты, моя лапонька, – успокаивала Мавра всхлипывающего ребёнка, смывая с её лица и рук кровь родителей.

"Ох ты, горе горькое, что ж делать-то теперь с тобой?" – бормотала себе под нос женщина.

Мавра потомственной ведьмой была. Их род из деревни на болота выгнали, когда самой Мавры ещё и в помине не было. Что мать, что бабка чёрными делами не брезговали, за что и были изгнаны. Да они не особо-то и расстраивались.

Люди их хоть на болота и сослали, а тропу-то к ним всё ж натаптывали. Они и за повитух, и за травниц, да и вообще от хворобы любой помочь могли. А то, что чёрные, так то ж по просьбе. На любой товар спрос есть. Кое-кто и за ворожкой к ним бегал. А кое-кого они и сами к себе зазывали, так сказать, для продолжения рода.

В отличие от бабки и матери, Мавра совсем нелюдимой была. Не ведал никто да не проверял, связывалась она с чёрной магией или нет. Крайне редко Мавра к людям выходила.

Те, кто помладше в деревне жил, так вообще не знали, что при болотах лесных ведьма обитает.

А из старожиллов никто её не чурался – если с просьбой обращалась, шли на уступки. Знали, что с ведьмой ссориться – себе дороже.

Да к тому ж, как прознала Мавра, что в деревню немцы пришли, так вообще по ночам передвигаться начала по делам своим ведьмовским. Людям на глаза попадаться вовсе перестала.

А в этот раз шла она в один из домов на конце деревни. Давеча стоворилась с хозяйкой, заприметив у неё несколько чёрных куриц. Пучок перьев да пара яиц надобны ей были. Да только дойти не успела. Зацепился взгляд за малышку плачущую, без вины за вину осуждённую.

Дрогнуло сердце ведьмино, мимо дитя запуганного пройти не смогла.

Как отмывать девочку закончила, раздела Мавра малышку, напоила её отваром травяным да спать уложила. А сама рядом села: думать, что дальше делать придётся.

В том, что Никодим к ней со своими прихвостнями зайвится, она не сомневалась.

Всю ночь думала, глаз не сомкнула, глядя, как маленькая Варвара во сне вскрикивает да плачет...

Наутро, охолонувшись водой колодезной, собрал Никодим тех, кто с ним немецкими прихвостнями заделались: Ваньку Косого и Митрофана.

Что тот, что другой по жизни гадёнышами были. Недолюбленные неудачники, сейчас, распрямив крылья, козыряли по деревне своей вседозволенностью.

– И девку, и ведьму надобно доставить в деревню. Немцы их судить будут, – басил Никодим, обращаясь к своим помощникам.

– А как же ведьму-то? – подал голос Ванька. – А ежели она чего супротив нас удумает?

– Чего она удумает? – отозвался Митрошка. – Чай, не добрый молодец она, сдюжим.

– Да не о том я, – продолжил Иван. – Ежели она дела колдовские применит.

Митрофан громко расхохотался.

– Слышь, Косой, ты, что ль, совсем допился? – ухмыльнулся он. – Какие дела колдовские? Баба она и есть баба! Подумаешь, в травах разбирается. За шкуру прихватить да хворостиной отстегать – вмиг станет шёлковой.

Ничего не ответил Ванька. Он рос в полной семье, в отличие от друга, которого одна мать растила, и помнил бабкины присказки о болотных ведьмах и их делах чёрных.

– Будя ласы точить, – подал голос Никодим, – топать пора.

Низкие серые облака цеплялись за верхушки деревьев. В лесу было сумрачно и хмуρο.

Трое мужчин шли по тропинке друг за другом.

– Никодим, зря мы здесь пошли, – начал Иван.

– Какая, к чёрту, разница? – буркнул полицай.

– Впереди могильник будет. Нужно было в обход идти, – словно пояснял Ванька.

– Эко ты, Косой, название дал громкое – могильник! – мерзко хохотнул Митрошка. –

Ну вырыли яму, ну сбросили сюда мертвяков, кто супротив власти новой попёр. Так сколько ещё этих ям будет?

– Я смотрю, ты, Митрофан, на всё своё мнение имеешь, – злобно осклабился Иван.

– А я смотрю, что ты, Ваня, будто чистеньким перед всеми остаться хочешь! – выдал Никодим, остановившись и вперив хмурый взгляд в Ивана. – То ты ведьму испужался, теперь вот мимо мёртвых идти не хочешь. Думаешь, за тебя дела сделаем, а ты на опушке отсидишься?! Нет уж, впрягся, так иди до конца.

Ванька вжал голову в плечи и обиженно засопел. Дальше пошли молча...

Рано поутру проснулась Варя и лежит молча. Рассматривает жилище незнакомое. С осторожностью на Мавру поглядывает.

– Мама, – тихонько произнесла девочка, вспомнив вчерашний вечер, и вновь заревела.

Женщина подошла к ребёнку и легонько приобняла.

– Нету мамки, – тихо сказала она и поцеловала малышку в макушку. – Ох, мало дело твоё, да оно и к лучшему, – бормотала себе под нос ведьма, скручивая в тугой пучок сухую траву.

Поднесла к свече горящей. Повалил дым густой, белый, зачалил всю комнату. Девочка пару раз вдохнула и опять на постель повалилась, словно без чувств.

Подошла Мавра к ребёнку, руку ей на лоб положила и шепчет:

"Имена, голоса, касания,

Всё, что память хранила в сознании,

В сундуках своих, что сокрыла,

Судьбы прошлого – всё позабыла".

– Может, и не права я, – поговорила Мавра вслух, на девочку глядя, – но о родителях помнить не будешь. Нужна ли она, такая память?!

И, отойдя от спящего ребёнка, настезь отворила дверь, чтоб запах травы оморочной выветрился.

Вышла женщина на крыльцо. Тишина в лесу, покой. Словно не доходят до избы Мавриной ветра злые, что по деревьям да весям землю студят.

И вдруг напряглась она. Глаза сузила и в глубину леса взгляд вперила. Потом подняла лицо к небу и, шумно втянув воздух, словно волчица, учуявшая чужака, произнесла:

"Не отступился, значит?! Ну, смотри, Никодим, как бы не оказался мой приём пострашнее немецких плёток!"

– Что это за запах? – спросил Митрофан, принюхиваясь.

– Гнилью болотной тянет, – отозвался Никодим.

– Да что я, не знаю, как болото пахнет! – отозвался Митрошка. – Тут другое что-то.

– Посмотрите, что там лежит? – вдруг подал голос Иван и указал пальцем в сторону.

Мужики остановились. В нескольких метрах от них лежала куча тряпья. Митрофан отделился от группы и подошёл к куче.

– Тьфу, пропасть, – бросил он, отворачиваясь. Под ногами лежал почти разложившийся труп мужчины, вниз лицом.

– Сдох кто-то, – прикрикнул он. Никодим и Иван направились к нему.

– Интересно, кто? – буркнул Ванька. – Местный иль пришлый?

– С деревни вроде никто не убежал, – задумчиво произнес Никодим. – Давно лежит, сгнил почти.

И вдруг тело пошевелилось. Медленно, оставляя на лесном мху остатки плоти, мертвец приподнялся на руках.

Первым заорал Митрофан и бросился бежать. Ванька стоял как вкопанный. Вспоминая всё, чему в детстве учила бабка, он начал неистово креститься.

Никодим, не веря в происходящее, шарил глазами по земле в надежде найти что-то, чем можно защититься.

Меж тем, издавая неприятный хруст, покойник сел. Сквозь сгнившую плоть проглядывали желтоватые кости позвоночника.

– Что ж ты, Ваня, и встать не поможешь? – раздался вдруг голос.

Ивана затрясло мелкой дрожью. От холодного пота рубашка тут же прилипла к спине.

Никодим стоял, открыв рот. Они оба узнали этот голос.

Николай был одним из первых, кто с простреленной головой рухнул в вырытый в лесу ров. На третью ночь они решили убежать с отцом к партизанам. Не успели. К тому времени их уже сдали выбранные в полицаи Никодим и Ванька Косой. Им и пришлось приводить приговор в действие.

Иван помнил взгляд Николая перед тем, как он ему пулю в голову пустил. Взгляд, полный ненависти и презрения...

– Ну что, Ваня, подашь руку? – снова произнёс мертвец и, хрустнув позвонками, повернул голову на сто восемьдесят градусов. С прогнившего лица на мужчин уставились пустые чёрные глазницы.

С криком они бросились врассыпную.

Митрофан нёсся вперёд, царапая лицо о ветки. Остановился, только когда понял, что лёгкие сейчас просто лопнут. Он буквально рухнул на мягкий мох. В глазах потемнело от непривычно долгого бега. Чуть отдышавшись, он подполз к толстому дереву и привалился к нему спиной. В лесу заметно потемнело. Серое низкое небо рассыпалось на миллионы капель мелкой мороси. Митрофан закрыл глаза. Отчего-то вдруг стало так тоскливо на душе.

Захотелось забыться, раствориться в этом густом лесу и больше никогда не возвращаться в свою деревню, в прежнюю жизнь. Сердце сжалось в комок, хоть волком вой, и вдруг...

"Баю-баю-баюшки,

Да прискакали заюшки.

Люли-люли-люлюшки,

Да прилетели гулюшки".

Тихое пение раздавалось где-то совсем рядом.

– Мама? – еле слышно произнёс Митрошка. Словно пытаясь сбросить наваждение, мужчина потряс головой и растёр уши ладонями. Лес молчал.

"Стали гули гулевать, а мой сыночек засыпать", – вновь продолжилась песнь.

– Матушка! – вскочил на ноги Митрофан и заметался меж деревьями. – Мама, мама, где ты? – кричал мужчина, размазывая слёзы грязными ладонями. Только сейчас он понял, как соскучился по единственной родной душе. Да вот позабылось отчего-то, что душа эта к Богу отошла больше двадцати лет назад.

Митрофан бегал меж кустов и деревьев, зовя мать, а колыбельная всё звучала и звучала, увлекая мужчину за собой в густую тёмную чащу.

Он вырвался из-за плотных зарослей и буквально налетел на стоящую к нему спиной женщину.

– Мама? – тихонько позвал он.

Женщина сделала шаг вперёд, Митрофан тоже сделал шаг.

– Матушка, – улыбнувшись сам себе, он протянул руку и робко коснулся женского плеча.

Странно, но видение оказалось вполне осязаемым. Глупая улыбка разом сошла с лица мужчины, когда женщина повернулась. Митрофан словно резко пришёл в себя.

Перед ним, злобно сверкая глазами, стояла Мавра.

Он резко дёрнулся и, плохо соображая, уставился себе под ноги. Чёрная, липкая топь проглотила его почти до колен. Мужчина в ужасе закричал и сделал попытку вырваться, отчего провалился ещё глубже. Его затрясло мелкой дрожью. С мольбой в глазах он уставился на ведьму.

Мавра не стояла, она словно висела в воздухе, и только подол длинной чёрной юбки слегка касался топи.

– Ну что ж ты, Митрофанушка, не хорохоришься? – спросила женщина. – Иль хворостину тебе подать, которой отстегать меня хотел?

– Прости, – взмолился тот, – прости Бога ради.

– Ох, Митроша, с Богом я тебе вряд ли помогу, а вот чертей, пожалуй, прислать сумею, – злобно прошептала Мавра и повернулась к мужчине спиной.

"Люли-люли-люлюшки,

Прилетели гулюшки..."

Вновь на весь лес раздалось мелодичное пение, заглушая вопли страха и отчаяния.

Недолго Митрофан кричал: топкое болото со своими жертвами не очень-то церемонится...

"Чёрная птица в небе кружится,
Песней трескучей судьбу проклиняет,
Холод могильный на землю ложится,
Ворон на жертву смерть зазывает".

Тихонько шептала Мавра заклинание, капая на вороны перья свечой кроваво-красного цвета...

– Никоди-и-им, – прокричал Иван и прислушивался. В ответ не раздавалось ни звука. От этой тишины Ваня нервно поёжился. Пожалуй, за сегодняшний день он наложил на себя столько крестных знамений, сколько до этого за всю жизнь свою не клал.

От каждого шороха в сторону шарахался. Сейчас, пытаясь выбраться из леса, он жалел лишь о том, что не слушал свою старую бабку, не выучил ни одной молитвы.

Ведь чуял, шкурой чуял, что ничего хорошего не выйдет, если к ведьме соваться. И никакие немцы, никакая Советская власть не поможет, ежели на проклятой ведьминой земле оказаться. "Каррр", – вдруг раздалось над самой головой. Ванька дёрнулся. Звук был таким громким и въедливым, что по телу пробежали мурашки. Мужчина остановился и осмотрелся.

Справа от него стояло чёрное, словно обугленное, дерево. На каждой корявой ветке сидело несколько таких же чёрных ворон.

Птиц было неестественно много.

"Каррр", – снова гаркнула одна из них, и словно по команде с соседней ветки слетела крупная птица, устремившись напрямиком на Ивана. Она пролетела настолько низко, что Ваня буквально почувствовал ветер, создаваемый взмахом её крыла.

– Кыш, пакость! – крикнул Иван, взмахнув рукой в надежде спугнуть воронью стаю.

Птицы остались сидеть на месте.

Мужчина скользнул взглядом по земле в поисках камня или чего-то, чем можно было бы запустить в птиц. И вдруг откуда-то сзади неожиданно появилась улетающая секунду назад ворона. Она пронеслась над самой головой, при этом больно клюнув мужчину.

От неожиданности Ваня вскрикнул. На глаза попала лежащая рядом палка. Он тут же запустил её в ворону, сбив на самом подлёте к дереву. Птица упала на траву и затихла. Затих лес. На мгновение Ивану показалось, что тишина в буквальном смысле стала звенящей.

А уже через секунду мир для мужчины превратился в одну сплошную чёрную массу, разрывающую барабанные перепонки дьявольски громким карканьем и зловеще кишашую вороньём...

Никодим лежал на спине и тяжело дышал. Он был весь в грязи, в одном сапоге. Второй сожрала тряпина, в которую мужчина провалился, когда бежал сломя голову, силясь выбраться из леса. От страха сердце учащённо билось.

Приближался вечер, в чаще становилось темно. Чуть успокоившись, мужчина поднялся с земли. Понять, в какой части леса он находился, было невозможно.

– Ива-ан! – крикнул он в надежде, что кто-то откликнется. – Митрошка!

– Сюда, Никодим, – вдруг отозвался ему Ванькин голос, – мы тут.

Сердце ёкнуло от радости, и Никодим побежал в сторону голоса. Пройдя какое-то время, он вдруг вышел к дому.

– Ай да ребята, – радостно воскликнул мужик, – ай да молодцы! Нашли-таки домишко ведьмин.

Подойдя ближе, Никодим остановился и покрутил головой по сторонам.

– Эй, мужики, – тихо произнёс он, – вы где?

Никто не ответил.

– Ваня? – позвал он громче.

Скрипнув, отворилась дверь, и на улицу вышла Мавра.

– С чем пожаловал, Никодим? – хмуро спросила она.

– За тобой пришёл, – зло ответил мужчина. – Тебя и девчонку надо в деревню привести.

– Так усердно шёл, что сапог потерял? – с усмешкой произнесла Мавра.

Никодим сжал кулаки.

– Ну, не сердчай, Никодимушка, – хитро прищутив глаза, продолжила ведьма. – Что сапог потерял, то не страшно, страшнее друзей растерять. Ну да я нашла их, теперь опять вместе будете, – закончила Мавра и громко расхохоталась.

– Сказывай, куда моих ребят дела, ведьма? – грозно спросил Никодим.

– Раскудыкался, – с улыбкой ответила женщина, – глянь получше, позади тебя твои хлопцы.

Мужчина резко обернулся и от увиденного попятился назад.

За ним действительно стоял Митрофан с мертвенно-бледным лицом. В его мокрых волосах запуталась тина, из приоткрытого рта медленно выползала жирная чёрная пиявка. И Ванька Косой. Только косым его назвать было уже нельзя. Он смотрел на Никодима кроваво-чёрными пустыми глазницами, из которых вытекала мутная жидкость.

Раздался зловещий смех Мавры, и мертвецы как по команде сделали шаг вперёд, выставив руки.

Никодим истошно закричал и бросился прочь от дома. Он бежал наугад, падая и поднимаясь, натываясь на деревья и кусты, царапая в кровь лицо и руки.

Мужчина метался по лесу кругами, пытаясь найти выход. Повсюду ему виделись трупы тех, кого однажды он приговорил к смерти. Они тянули к нему руки и зловеще улыбались.

Делая очередной крюк, он почувствовал, как земля ушла у него из-под ног, и рухнул в какую-то яму. И тут Никодим понял, что яма оказалась тем самым могильником, который они проходили в самом начале своего пути. Когда под ним вдруг зашевелились мёртвые, разум окончательно покинул его...

В деревню Никодим приполз только к утру, грязный, оборванный, с безумными глазами и абсолютно седой. Ни хлёсткие удары немецкой плётки, ни знакомые голоса соседей не смогли привести его в чувство. Здравый рассудок навсегда покинул его, навеки похоронив страшные события.

И лишь одной Мавре было известно, куда делись Митрошка с Ванькой, отчего сошёл с ума Никодим и почему маленькая Варя больше не вспоминала боль того рокового дня.

Мавра заботилась о малышке, для которой стала матерью. Так волею судьбы роду болотных ведьм суждено было продолжиться.

Заброшенная деревня

– Нечего вам, говорю, там делать, – увещевал Кузьмич не в меру расхорохорившуюся компанию. – Деревня давно заброшена. Поросло всё кустами да деревьями. Уж и тропы к ней не сыщешь. Да если и найдёшь, лучше стороной да лесом обойти. Нехорошие слухи про эту деревню ходят, – закончил дед свою речь, обводя взглядом молодёжь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.